

Характерные черты подросткового суицида

Суицид подростков имеет следующие черты:

- суициду предшествуют кратковременные, объективно нетяжелые конфликты в сферах близких отношений (в семье, школе, группе);
- конфликт воспринимается как крайне значимый и травматичный, вызывая внутренний кризис и драматизацию событий;
- суицидальный поступок воспринимается в романтически-героическом ореоле: как смелый вызов, как решительное действие, как мужественное решение и т.п.
- суицидное поведение демонстративно, в нем есть признаки "игры на публику";
- суицидальное поведение регулируется скорее порывом, аффектом, в нем нет продуманности, взвешенности, точного просчета;
- средства самоубийства выбраны неумело (прыжок с балкона 2-3 этажа, малотоксические вещества, тонкая веревка и т.п.).

Условия проявления суицида

Предпосылкой аутодеструктивного поведения и суицида в частности является апатия, неверие в личные перспективы, снижение творческой и витальной активности в результате психической травмы.

Однако наличие психотравмирующей ситуации - недостаточное условие для проявления суицида. Вторая составляющая - личностные особенности суицидента. Многие авторы, чьи статьи я использовал в подготовке курсовой работы, обнаруживают ряд особенностей личности, не позволяющей ей адекватно реагировать на жизненные проблемы и тем самым предрасполагающих к суициду. К ним часто относят: напряжение потребностей и желаний, неумение найти способы их удовлетворения, отказ от поиска выхода из сложных ситуаций, низкий уровень самоконтроля, неумение ослабить нервно-психическое напряжение, эмоциональная нестабильность, импульсивность, повышенная внушаемость, бескомпромиссность и отсутствие жизненного опыта.

У подростков суицид чаще встречается при таких акцентуациях: истероидный, сенситивный, эмоционально-мобильный, астенический. Фоном является высокий уровень агрессивности подростка.

Философский анализ суицида

В одном из интервью Н.Винер высказался достаточно определенно: "... если человек не изобретательнее машины, то уже слишком плохо. Но здесь нет убийства нас машиной. Здесь просто самоубийство."(1., С.319) Никто не станет отрицать сегодня, что особенностью современного антропогенеза является конституирование человеком собственной среды обитания, а также технократический характер современной культуры в целом. Проблемой для философа-теоретика в этом случае должна выступить не столько анализ существования биосферы в форме ноосферы, сколько исследование вектора направленности эволюционного процесса с учетом динамики существования различных сфер.

Изучение феномена сознательного суицида, исключаяющего какую-либо психопатологию и составляющего более половины всех совершающихся в мире суицидальных действий приводит философа-аналитика к однозначности понимания важности раскрытия не только сугубо индивидуальных корней суицида, но и усугубляющих явление массового самоубийства условий. То, что суицид давно и прочно

занимает место среди явлений демографического ряда, сегодня никого не удивляет, и было известно социологам еще в прошлом веке, но вот проблема поиска оптимальных форм поведения человека как одно из средств прекращения массового самоуничтожения в пределах технократически окрашенной культуры - это уже детище XX столетия.

У суицида в тех его формах, в которых мы застаем его в наше время, есть два плана изучения: доступная для статистики, социологии, юридической науки "поверхность" явления и скрытая от глаз таинственная индивидуальная природа. Исследователи первой половины XX века, которых трудно заподозрить в "сговоре", такие как французский социолог Э.Дюркгейм, русский адвокат А.Ф.Кони, французский философ и писатель А.Камю считали причинами сознательного суицида сугубо индивидуальные и глубоко-личностные источники. Однако названные мыслители вставали в тупик перед массовидным характером этого явления в рамках христианской культуры, приобретшим особенно в XX веке характер "эпидемической" болезни всего человечества. Они же отмечали существование некоторых статистических констант этого феномена: исключительная возрастная устойчивость (от 19-20 лет до 35-40 лет - наиболее суицидальный возраст), время суток (с утра до полудня), сезон (весна), пол (мужское явление), заразительный и, как следствие, коллективный характер, преимущественно явление больших городов. Если возраст, время суток, сезон и пол - факторы асоциального ряда (или "космического ряда" в терминах Дюркгейма), то массовидность, заразительность, городской характер суицида, безусловно, факторы, носящие социальную окраску.

Предпринимались различные попытки объяснения этих устойчивых констант. Особый интерес в плане исследования влияния на сознательный суицид факторов "космического ряда" представляют недавно опубликованные графики выдающегося русского космиста А.Л.Чижевского, факторы же социального порядка имеют достаточно много любопытных интерпретаторов, хотя сама проблема по существу по-прежнему остается нерешенной. Уже в начале века стало очевидным, что на заразительность суицида начинают влиять не только ставший к тому времени привычными такие условия городской цивилизации как обезличенный характер труда, разрушение основ традиционной семьи, раннее половое развитие подростков, но и появление новых технических средств передачи информации: радио, синематограф (тогда еще "великий немой"). В частности, А.Л.Чижевский пишет о психозах, ставшими возможными только в XX веке, таких, например, как радиомания (1924-1925 гг.), или "спасения Нобиле" (1928 г.). А.Ф.Кони в своей хорошо известной работе "Самоубийство в законе и жизни" (1923 г.) отмечал "печальную роль" кинематографа, печати и даже непродуманно составленных социологических анкет, подчас представляющих "методологию" форм и способов самоубийства, с чем приходится сталкиваться юристу в его ежедневной практике. Если таковы были тенденции в двадцатых годах нашего столетия, то каковы они теперь на исходе XX века легко предположить.

В современном мире смертность от самоубийств более, чем в три раза превышает смертность от автомобильных катастроф. Возрастная ось суицида сместилась в сторону 24-х и даже 15-летних уже с конца 60-х годов нашего века, причем в наиболее благополучных с экономической точки зрения странах, таких как США, Австрия, Швейцария, Германия, Голландия, Англия, Австралия и Япония. В США зафиксирован рост числа самоубийств в 3 раза за последние тридцать лет, в России за последние десять лет динамика роста суицида составила цифру 10. Только за три месяца в 1996 году суицид

в нашей стране составил 17% от общего числа смертей и только в одной Москве в 1995 году покончили собой 2.182 человека. Даже используя исследования Чижевского с учетом того, что 1996 год является годом проявления солнечной активности, влияющей на возникновение "психических эпидемий", трудно объяснить феномен "помолодения" суицида, нарастание интенсивности и массовости его проявления в конце XX века исключительно влиянием космических факторов.

Характер патологии населения планеты проявляет себя в динамике, тесно связанной с эволюцией человека в космосе и, более конкретно, во взаимосвязи его с изменяющейся окружающей средой. В свою очередь не только стихийные бедствия, катастрофы, голодные годы, последствия войн и революций, но и коренные и даже необратимые изменения биосферы в условиях научно-технической революции также влияют на специфику преобладания определенного вида болезней населения земного шара. В настоящее время в мире четко определились два основных типа патологии: неэпидемический и эпидемический. Считается, что в экономически развитых странах, как показывает статистика, эпидемические болезни в XX веке уступили место росту хронических заболеваний, особенно тех, которые обусловлены воздействием среды на нервно-эмоциональную сферу. Эта тенденция наметилась уже с конца 60-х годов нашего столетия, что совпадает по времени с интенсивностью роста "помолодевшего" суицида в названных странах. В нашей стране в советское время можно проследить лишь динамику роста числа преступлений, классифицируемых как "доведение до самоубийства", т.к. суицид рассматривался с начала 30-х годов только как явление психопатологии (сектор социальных аномалий при Центральном статистическом управлении был ликвидирован), в "социалистическом" же "лагере" печальную пальму первенства по трудно объяснимым причинам держала Венгрия. Думаю, что при отсутствии серьезных исследований в области суицидологии в советскую эпоху, не вдаваясь в рамках небольшой статьи в некоторые важные особенности этого периода, корректнее апелляция к более четкой информации, касающейся динамики роста "черного феномена" в странах "противоположного" лагеря, а также к показателям по России лишь за последние десять лет.

Своеобразным показателем реакции на рост различного рода неврозов в пределах "малой психиатрии" (маний, депрессий, фобий и др.) и увеличение числа самоубийств в развитых странах за последние тридцать лет явилось изменение социальной структуры распределения по профессиям в них в сторону увеличения доли биологов, медиков и психологов. Такая тенденция имела место до середины 80-х годов и лишь в последнее время специалисты-компьютерщики потеснили жизненно важные профессии.

Существует предположение, что на характер заболеваемости населения в развитых странах во второй половине нашего столетия, особое влияние оказал тот информационный бум, который переживает современное человечество еще и по сей день. Современные антропологи не случайно подчеркивают важность влияния на антропогенез семиотического процесса, что с наибольшей отчетливостью проявляет себя в век вычислительной техники, компьютеров, вытесняющих, как это ни печально сознавать, книжную культуру. Следствием перегруженности психики человека влиянием mass media выступает заболеваемость населения мира тяжелыми формами невротических болезней. Если верно утверждение З.Фрейда, что 19 век - это век истериков, то, видимо, справедливо и утверждение русского психиатра П.Ганнушкина о том, что XX век - это преобладание в психике людей различного рода неврозов на грани между

психопатологией и нормой, т.е., другими словами, им живем в эпоху "психопатов".

А.Л.Чижевский утверждал, что "вся интеллектуальная и социальная жизнь человеческих сообществ проходит под знаком эпидемий. Эпидемия не исключение, а общее правило, почти не имеющее исключений" (2., С.350). Очевидно, что русский космист расширительно трактует сам термин "эпидемия", что в какой-то степени противоречит принятой классификации болезней: инфекционные (эпидемические) и хронические (неэпидемические). Одновременно с этим утверждением Чижевский столь же расширительно трактует и понятие инфекции. Так, в частности, он пишет об особом характере "интеллектуального вируса", или о своеобразной "инфекции" массового распространения идей, когда "идея приводит в движение огромные человеческие массы, помыкая ими", если она попала на благоприятную почву "существования некоторой сложной совокупности условий, лежащих в структуре самого общества" (2., С.352). Ученый отмечает особую сложность в правильности классификации различного рода психических эпидемий, т.к. многие из них могут ошибочно быть представлены как эпидемии психопатические, когда у исследователя создается впечатление, что все участники движения "обезумели", а на самом деле место имеет психическая "индукция", или "общественное внушение", которое даже имея психопатологический очаг, само по себе психопатологией не является. Именно эпидемические самоуничтожения Чижевский относил к такого рода трудно классифицируемым явлениям. В памяти невольно всплывают кадры немой кинохроники событий в России начала века: митинги, демонстрации, бесконечные похороны -наглядное подтверждение мыслей русского космиста.

Массовые самоубийства возникают на сексуальной, религиозной, социальной основе, а также импульсивно и в форме подражания "идеалу". Хрестоматийными для суицидологии стали примеры массовых самоутоплений и самосожжений русских раскольников (самоубийство на религиозной почве), рассказ о 30 инвалидах, повесившихся в 1772 году один за другим на одном и том же крюке, или о 59 самоубийствах, случившихся в течение одного лета в Финляндии близ Выборга, где водопад Иматра послужил страшным "прибежищем" для несчастных (импульсивное самоубийство), известны также массовые самоубийства евреев в период еврейских погромов (14 век, форма самоубийства на социальной основе), эпидемии самоубийств девушек в античную эпоху в Милете и в начале XX века в русских закрытых учебных заведениях и др. Во все времена особую опасность представляла такая форма суицида, в которой присутствовал момент подражательности эстетизируемому самоубийцей примеру. Для нашего времени влияние средств массовой информации на сознание человека трудно переоценить, в этом смысле показательна такая форма проявления суицида как самоубийство в виде подражания литературному герою. Хорошо известный суицидологам случай с эпидемией самоубийств в среде молодых романтично настроенных людей в Германия после публикации произведения Гете "Вертер", в которой главный герой решает все свои проблемы путем самоубийства, высветил для исследователей "черного феномена" одну исключительно важную для него черту: подражательность как следствие влияния на сознание самоубийцы поражающего его воображение примера (элемент внушения, знакомый по изысканиям Чижевского). В свое время А.Ф.Кони упрекал самого Л.Толстого в опасной для неуравновешенной психики концовке романа "Анна Каренина", а такой тонкий психолог как Ф.Достоевский ни в одном из своих произведений не эстетизировал самовольный уход из жизни, напротив, показывал всю некрасивость (неэстетичность)

такого рода противоестественной смерти (достаточно привести в качестве примера безобразность ухода из жизни Кириллова в "Бесах", героя экзистенциальных исканий А. Камю).

Эстетизация ритуальной формы самоубийства на Востоке в средневековой Японии в форме сэппуку (харакири) и в Индии в форма сати (самоубийство вдов) имело, вероятнее всего, решающее значение для исполнения самого акта. В Индии вдове-самоубийце оказывались божественные почести, она канонизировалась на пороге "самовольного" ухода из жизни, в Японии же в период позднего средневековья дело доходило до дуэлей в форме самоубийства в стремлении благородных воинов быть достойнее "достойного". Внушение и подражание, безусловно, играли значительную роль в этой форма обезличенного суицида.

В конце нашего века интенсивность суицида в форме "эпидемий" нарастает, что обнаруживает не только существование индивидуально-личностных корней этого феномена, но и ставит перед исследователем о чем уже ранее говорилось в статье, проблему усугубляющих явление массового самоубийства условий, однако при этом необходимо учитывать специфику влияния на современное человечество искусственно созданной среды его обитания, которое не ограничивается только преобладанием урбанистической культуры, нарастанием экологического дискомфорта, подменой традиционных религиозных форм поведения человека нетрадиционными, но включает в себя особого рода "гипнотизм" mass media всех возможных и даже, как сегодня представляется, невозможных формах проявления. Все чаще в публикациях современных философов возникает грустно-ироничное высказывание "я знаю, что ничего не знаю", и более всего, как и во времена Сократа, это относится к знанию человека о себе и прежде всего о своем сознании. Для анализа суицида этот момент имеет решающее значение.

Гетерогенность (раздвоенность, расщепленность) человеческого сознания - одна из видимых причин суицидального действия, что отмечал в своих трудах по психологии У.Джемс и многие его последователи, но визуальная разноплановость восприятия мира современным человеком, этот далеко не исследованный психологами феномен, может выступить в роли опасного провокатора именно такого рода состояний сознания. В каком-то смысле "всеядный зритель" (как впрочем, и читатель, и слушатель) представляет серьезную опасность для самого себя. В одном из романов Ч.Диккенса есть заучившийся герой, вобравший в себя столько учебной информации, что разум его не выдержал этого перенасыщения "духовной" пищей и вернулся в состояние полного младенческого неведения, локковской *tabula rasa*. Следующей ступенью такой "прочистки мозгов" может выступить состояние раздвоенности сознания, чреватое бунтом личности против собственной природы, требующий осмысленности существования при одновременном лишении ею же индивидуального бытия какого бы то ни было смысла.

Давление на человеческое сознание в век технического прогресса осуществляется с потрясающим воображение динамизмом и напором со стороны самых разных технических средств. Компьютерные игры снимают понятие греха о представления ребенка о возможности убийства человека человеком. Кинематограф давно перестал быть "великим немым": растиражированный во множестве видеопленок, он становится похожим на картофельные чипсы, от которых нельзя оторваться, пока не доешь до конца. Влияние телесериалов на наивное сознание не столь опасно, как изобилие некрофильской информации, которой пестрят политические новости. Нельзя сказать, что такого рода информация есть прерогатива одной страны, хотя, безусловно, она опаснее для народов

тех стран, которые оказались в ситуации "переоценки всех ценностей".

Уже в 1923 году А.Ф.Кони предупреждал об опасности сюжетов, эстетизирующих суицид, в какой бы форме передачи информации это ни было выражено. Эстетизация суицида, как и любой некрофильский сюжет на экране, в детективном романе, радиопостановке, на картридже детской игры не может стать непосредственной причиной сознательного самоубийства, но "последней каплей", повлиявшей на решение жертвы самонасилия может и становится. Статистически этот момент невозможно зафиксировать, хотя понятие "последней капли" в суицидологии имеет серьезный психологический подтекст. Хорошо известное философам утверждение Гераклита Эфесского о том, что "миром правит молния", можно интерпретировать в пределах затрагиваемых проблем: в суициде все решает неуловимое мгновение - вспышка молнии в сознании: "за" или "против" продолжения жизни.

Совершенно очевидно, что никакая цензура, запреты извне, если они не решили этого в прошлые времена, не решат этой проблемы "зablуждений разума" и теперь. Если согласиться с парадоксальной мыслью И.Т.Касавяна, составителя сборника "Зablуждающихся разум", что "чем более совершенен разум, тем более подвержен он зablуждению" (З., С.7), если честно признать, что интерес к запретным, с точки зрения И.Канта, апориям (антиномиям), поиску к их разрешению, не иссяк и по сей день, то придется признать неизбежность такого константного сосуществования светлых и темных сторон нашего сознания.

Например, одна газетная статья, в которой журналист брал интервью у популярного сегодня создателя детективных романов Н.Псурцева, так и называлась: "Криминальные роман - лучшая прививка от тяги к насилию", а, если посмотреть содержательную направленность сюжетов фильмов, включенных в телевизионную программу, хотя бы за один день, то преобладание некрофильства в них станет тем более очевидным. Не стану оспаривать терапевтического эффекта от просмотра и чтения танатологических окрашенных сюжетов по русской пословице: "клин - клином вышибается", - однако хотелось бы обратить внимание на особенность влияния такой информации на неустоявшуюся психику подростков, а также людей, подверженных различным неврозам, что может в век "психических эпидемий" представлять опасность не только для самих реципиентов, но и для всего человеческого сообщества.

"Человек помоги себе сам" - фраза из произведений И.И.Мечникова по геронтологии может прозвучать совсем не столь цинично, как кажется на первый взгляд, если учитывать, что не только физическое, но и духовное здоровье каждого из нас в большой степени зависит от усилий индивидуальной воли, а не только от атакующей нас "очеловеченной", но бесчеловечной среды. Видимо, противостояние человека собственной искусственно созданной среде обитания должно привести его к отказу от проблематичного диалога с сотворенным наукой Франкенштейном техники, погружающего личность навечно в сферу "ман", к попыткам возврата человечества к истокам гуманитарной цивилизации, не знавшей пропастей "отчуждения" человека от мира, хорошо известных нам теперь.

Для западно-ориентированной цивилизации возврат в недра гуманитарно окрашенной культуры означает возврат к истокам первоначальных христианских ценностей, что совершенно не оригинально, но, видимо, необходимо. Эразм Роттердамский в 16 веке не только знаменит "свежестью" трактовок "философии Христа", но и написанием работы

"Похвала глупости" (1509-1511гг.); на исходе XX столетия человечество оказалось вновь на пороге подобных открытий по гегелевскому закону отрицания-снятия.